

***Мельникова Эмилия Григорьевна
Участник проекта "Я из прошлого протягиваю мост..."***

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ЭВАКУАЦИИ

Я родилась в 1937 году, и к началу войны мне было почти 4 года. Мои родители закончили Инженерно-экономический институт и работали тогда в НИИ-24. С июня 1941 г. мы снимали дачу в Тарховке и в воскресенье 22 июня перебрались с бабушкой в город. Будучи депутатом октябрьского района, отец принимал активное участие в эвакуации детей.

Начало войны

Переход 1941 г.

30 июня 1941 г. нас отправили с детским составом на восток в город Нерехта. Мама работала воспитательницей в поезде. Дети были с 3-х лет, и она старалась ухаживать за малышами. Поезд двигался медленно. На станциях старались найти кипятка и продукты. За неделю поездки, в результате плохого аппетита, непривычной пищи я заболела, нарушено было пищеварение. С большим трудом, усилиями врача и мамы меня вывели из кризиса. В Нерехте мы пробыли несколько дней и поехали в Челябинск, куда переехала организация, где работали родители. Нам предоставили комнату 12м в трехкомнатной квартире на 5-м этаже 5-этажного дома.

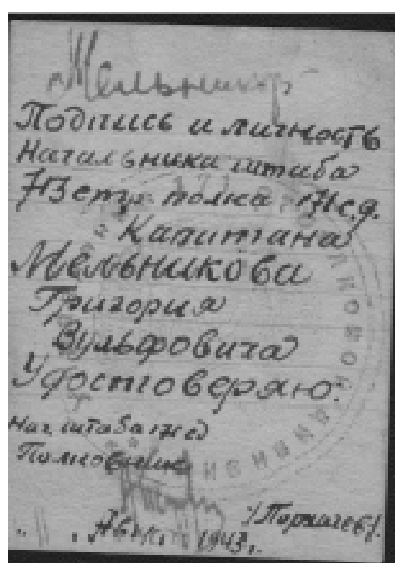
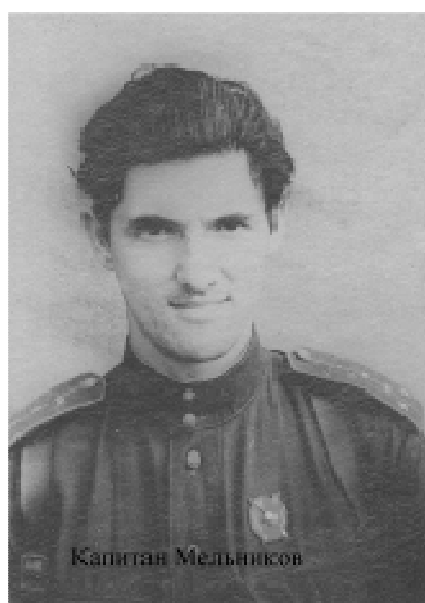
К концу лета к нам доехала бабушка с двоюродным братом, вторая бабушка с моей тетей Зиной 19-ти лет, страдающая открытой формой туберкулеза, семья родного дяди с женой и двумя детьми. В нашей комнате на полу спали 11 человек.

Папа приехал в начале сентября с оборудованием для работы. Он прожил с нами недолго. Имея броню от службы в армии он, 28-летний молодой коммунист, пошел добровольцем на фронт. Его 171-я стрелковая дивизия формировалась в г.Златоусте, куда мы с мамой ездили 2 раза.

Меня и брата записали в детский садик. Мы с радостью туда ходили, там были занятия музыкой, физкультурой. Помню, давали хлеб и иногда молоко. Это очень нас поддерживало, так как взрослые, имея 1 рабочую карточку, очень нуждались в продуктах. Мама поменяла на базаре летние платья и обувь на мешок геркулеса, что явилось спасительным подспорьем в первые месяцы зимы. Помню, что в Челябинск было привезено много узбеков для работы на заводах. Они ходили в национальных одеждах, но обязательно в ватниках зимой и летом. Вероятно, они недоедали и часто прямо на улице падали, а под одеждой они прятали много денег. Вероятно, собирали для отправки своим семьям.

Первая жертва войны – моя родная тетя Зина (20 лет). Она умерла от туберкулеза на руках у бабушки Мани. Дядя с семьей к концу осени съехали, и в нашей комнате осталось 4 человека. Работала одна мама.

В апреле 1942 г. дивизия папы прибыла на Северо-Западный фронт через Куйбышев, Москву, Бологое, Любницу в состав 34 армии. Далее они двинулись к Демянску. Папа был командиром батальона. В мае 1942 года мы получили известие с фронта об окружении нашими войсками 16-й немецкой армии. Со стороны немцев стоял батальон дивизии СС «Мертвая голова». Бои были тяжелыми, в это время в одном из боев отец вырвался на танке в открытом люке и командовал своим батальоном. Высота «Перчатка», находящаяся на крутом скате за речкой была взята. Папа получил медаль «За отвагу».

Весной 1942 года я тяжело заболела пневмонией. Мама носила меня на 5-й этаж, так как я была очень слаба и не могла ходить. В то время нам очень помогла посылка с фронта. Отец не курил и получал вместо папирос американский шоколад. Его он и прислал с иными продуктами. Помню вкус горького шоколада, который мама давала мне с горячим молоком. Отдавая мне свою часть карточки, мама очень ослабла и стала терять зубы. Ей было 27 лет.

Весной 1942 г. нам выделили землю у железной дороги под картошку. Мы обрабатывали поле и даже в августе дежурили ночами на участке. Вторая зима была уже с картошкой.

Каждая весточка от папы была подарком. Он писал о психических атаках немцев, когда они молча шли, чеканя шаг, выставив перед собой наших женщин с детьми и стариков. Тогда же папа писал о сыне полка Боре Новикове из Рыбинска. Отец получил несколько не тяжелых ранений и остался в строю.

К лету 1943 г. часть НИИ-24 перебазировалась в Москву, где был завод, производящий боеприпасы.

Осенью 1943 г. мы с мамой и бабушкой Раисой приехали в Москву в село Николаевское рядом с районом Химки. Нас поселили в одноэтажном деревянном бараке. Там было 20 комнат и одна кухня. Мы играли во дворе, окруженном забором от проезжей дороги. Я ходила в детский садик, откуда частенько уговаривала друзей и вела их домой. Меня очень ругали за самостоятельность.

Осенью 1943 г. по дороге изредка вели длинные колонны пленных немцев. Они были оборванные, жалкие, голодные. Женщины иногда им кидали еду. Мои же друзья, у кого отцы и братья воевали или погибли, люто ненавидели немцев и иногда кидали из-за забора камешки в их сторону.

Ещё в марте 1943 г. папа прислал нам письмо о гибели своего ординарца Иосифа Малиновского, который своим телом спас командира от снайперской пули и погиб. Малиновский получил орден «Отечественной войны» посмертно и навечно зачислен в списки дивизии.

Папа был уже начальником штаба 380-го стрелкового полка. После взятия деревни Новые Липовицы, где против наших стояли штрафники ВВС Германии, отец получил орден "Боевого Красного Знамени." По оценке пленных офицеров 16 Армии бои под Старой Руссой и Демянском потребовали перебросить сюда около восьми дивизий. Гитлер считал, что Демянская группировка – «пистолет, направленный в сердце России». Немцы потеряли только убитыми около 90 000 чел.

В 1944 г. я пошла в школу и проучилась там до Нового года. В конце 1943 г. отец был тяжело ранен в ноги, началась гангрена, и ему грозила ампутация левой ноги. Полковые друзья организовали перевоз папы из Торжка в Москву в офицерский госпиталь, где был пенициллин и другие необходимые лекарства. Ногу спасли. Мы

каждое воскресенье с мамой навещали папу в госпитале. Раненые очень тепло относились ко мне и пытались одарить, чем могли, ведь их дети были далеко.

Весной 1944 г. отец был в Сочи в санатории, где его поставили на ноги. Вернулся он с палочкой, но ходил уже лучше. Он был признан для действующей армии непригодным. Получил направление на должность преподавателя военных наук в Ленинградское училище, которое базировалось тогда в Березняках.

В 1944 г. нам сообщили о смерти в блокадном Ленинграде моего деда Мельникова Вульфа Семеновича. Он работал на заводе "Светоч" и в ноябре 1941 года умер от голода. Мамин двоюродный брат Артур Цуреф сообщил о трагической гибели его семьи, родителей, братьев и сестер, заживо погребенных в районе деревни Краснополье Могилевской области.

С января 1945 г. мы всей семьей переехали из Москвы в г. Березники, где я ходила в школу с января до мая 1945 г. Дорога в школу шла по узкой тропинке через заснеженное поле. Помню сильные морозы и страх, когда бежала в темноте в школу. В начале мая мы вместе с военным училищем выехали в теплушках в Ленинград. Поезд шел очень медленно, остановки были вне населенных пунктов. Однажды мы с папой чуть не отстали, так как поезд двинулся без сигнала.

В Ленинграде нас поселили временно в двухэтажном доме на улице Ломоносова. В день Победы мы с ребятами пошли на угол Садовой и Невского проспекта и наблюдали радость и ликование народа. Люди пели, танцевали, плакали и каждого военного пытались качать. Один морской офицер выкупил лоток с мороженым для нас. Мы были счастливы.

После возвращения мы узнали, что из большой семьи папы с фронта не вернулись два его двоюродных брата, погибли. В нашей довоенной комнате жили люди, у которых в блокаду сгорел дом. Нам предложили 2 комнаты в коммунальной квартире на улице Глинки. От старых жильцов остался разбитый рояль. Меня записали в школу, и я поступила параллельно в музыкальную школу при консерватории.

Связь с однополчанами отец поддерживал до конца жизни. Был членом Совета ветеранов 171-й дивизии, часто друзья приезжали к нам. Судьба армии, взятие Рейхстага и другие воспоминания однополчан составили большой архив, хранившийся у нас.

Мама после всех страданий в эвакуации в 1946 г. заболела туберкулезом легких в открытой форме и 3 года почти не жила с нами. Месяцами лежала в спецбольницах и санаториях. Меня воспитывала бабушка. Только к 1949 году мама поправилась. В первые послевоенные годы помню очереди за мукой и другими продуктами по карточкам. Я отвечала за отопление двух печек в комнатах, а также за покупку хлеба и овощей.

Помню процессы против "космополитов", когда был арестован и отправлен в Сибирь жених моей двоюродной сестры Инны.

Это был очень образованный, красивый лейтенант, студент университета. Он бывал в нашем доме. Его обвиняли в том, что он говорил о необходимых переменах

в нашей стране. В конце войны он воевал в Австрии. Олег был патриотом и желал того, о чем многие боялись сказать. В конце 1952г он погиб в лагере.

В 1952 году уровень бытового и государственного антисемитизма достиг такого размаха, что помню траурное настроение в доме, когда папа, подполковник, член партии, собрал всех родных и говорил о возможном отъезде всех евреев на Дальний Восток. Мы с мамой проплакали всю ночь. Я хорошо училась в 9-м классе и собиралась поступать в институт. Смерть Сталина в марте 1953 года отменила все подобные его планы.

14.01.2013-27.02.2013